

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ: ЖЕНЩИНА МОЕЙ МЕЧТЫ

Ушел из жизни классик отечественной песни Никита Владимирович Богословский (1913-2004). Автор таких вечнопозеленых мелодий, как "Песенка последнего извозчика" (пел ее, как вы, наверное, помните, Утесов), незабвенных "Шалапа, полных кефали!", не говоря уж о "Темной ночи" — самой популярной песне советского периода, или о таких шедеврах, как "Спят курганы темные", "Лизавета", "Любимый город". Автор бесчисленных юморесок, розыгрышей и попросту хохм. Не говоря уж об операх, симфониях, квартетах и прочих произведениях менее массовых жанров. Однако, сегодня речь у нас пойдет не о музыке, а о предмете, в котором Никита Владимирович также может считаться экспертом высшего класса, — о женщинах. Это остроумное интервью композитор дал незадолго до своего 90-летнего юбилея.

— Итак — Никита Владимирович! Как Вам удалось все эти годы сохранять столь блистательную форму? Может быть, есть какой-то особый секрет?

— А черт его знает — как удавалось. Может, секрет в том, что ко всему происходящему — в том числе, и к вещам серьезным, даже трагическим — я относился, да и сейчас отношусь с проницей. Все приходит и все проходит, как сказал Екклесиаст.

Ну, а что касается главных тем моей музыки, то я должен сказать, что мое творчество всегда было посвящено женщинам. Почти все мои песни — разве что за исключением песенки Джени из кинофильма "Остров сокровищ" (1937 год) были написаны для певцов-мужчин. Как своего рода песни-подарки прекрасным дамам.

— На Ваших глазах не раз менялись моды, женский "имидж"...

— Видите ли, я никогда не следовал за модой. У меня с юных лет выработался свой собственный эстетический идеал женщины, которому я следовал

всю свою жизнь: манера одеваться, причесываться, нравящийся мне тип лица, черты внешности. Стройная, но не худая, голубоглазая блондинка с красивым лицом. Скандинавский тип женщины, если угодно. Ни в коем случае не выше меня ростом. Оскар Уайльд, правда, обронил великолепный афоризм: "В постели все женщины одинакового роста". Но это, так сказать, специфический момент. А в быту, когда женщина выше меня, мне всегда кажется, что и интеллектуально тоже.

— Раз уж мы заговорили о стилях — как бы Вы определили отечественный "стиль-2003"?

— Как годичное отставание от европейской моды. Мы сегодня там, где француженки были зимой 2002-го. Если продолжить сравнение с Парижем (я его знаю

лучше, чем Москву, потому что дома езжу на машине, а по Парижу хожу пешком), то французская публика одета как попало. Наша толпа в метро почти ничем не отличается от парижской. Это летом, конечно — зимой картина резко меняется. У нас полное преобладание темных тонов — черных, синих, бурых и серых. Много, конечно, зависит от погоды. У нас зимой дело доходит до минус 20-25 градусов по Цельсию. В Париже в декабре-январе обычно пять-десять градусов тепла.

При всем том, я считаю, что в России гораздо больше красивых женщин, чем во Франции. Большинство француженок отнюдь не писанные красавицы. Они хороши другим. Тем, что в них с детских лет воспитывается их дальнейшее предназначение. Быть женой, любовницей, матерью. Воспитывается элегантность. Например, умение красиво ходить — о, тут они вчистую забивают наших дам! Или — умение общаться с людьми. Причем, совершенно разных социальных слоев.

— Наверное, все это как раз и называется "хорошим воспитанием"...

— Совершенно верно. Умение никогда не повышать голос, сохранять собственное достоинство и чувство юмора. Вежливо и уважительно разговаривать с клерком, рабочим, со служанкой, с полицейским, директором банка. Правда — меняя лексику. Но сам способ беседы — один и тот же.

— Никита Владимирович, а что, по-Вашему, надо делать женщине, чтобы стать неотразимой?

— Увы — чтобы стать очаровательной, надо работать над этим. Если честно — этому надо отдавать все свое свободное время — вместо того, чтобы, скажем, ходить на службу. Я понимаю, что мои слова звучат фантастикой: ведь миллионы наших женщин должны, попросту говоря, зарабатывать на жизнь; на их небогатых зарплатах и дом, и дети, и даже мужья, которые часто получают меньше своих жен, да еще и то, что зарабатывают, не всегда доносят до дома, — пропивают! Все-таки, в идеале, женщины работать не должны — дом должен обеспечивать муж.

— Существуют два легендарных Никиты Богословских. Один — композитор, другой — мастер блестящих розыгрышей.

— Вообще-то розыгрыши — дело сложное. Тут не обойдешься шуточкой типа "У вас вся спина белая". Это театр, большая, порой многоступенчатая драматургия. Как-то Валентин Николаевич Плучек на одном из моих юбилеев сказал, что мои розыгрыши — это "театр для себя". Я действительно делаю их для собственного удовольствия: денег мне за это никто не платит, скорее уж пострадавшие требуют компенсаций за моральный ущерб.

— А как Вы ухаживали за своими дамами? То есть, как, по Вашему мнению, следовало бы ухаживать современным мужчинам?

— Боюсь, мой пример мало кому подойдет. Я ухаживал весьма старомодно. Примерно так, как это описывается в романах XIX века. Цветы, нечастые свидания, долгие ожидания и вздохи, огорчения, если девушка опаздывает на условленную встречу. Такое ухаживание растягивалось порой на много месяцев, что, кстати, дамам как раз нравилось, ибо мои соперники действовали, в основном, нахрапом — что дамам нравилось тоже, но все-таки меньше.

— А теперь деликатный вопрос. Вы ведь женились на композиторе Алле Николаевне Сивашовой. И что — действовали всеми этими проверенными методами XIX века?

— Знакомы мы были давно, встречались в Союзе композиторов на многочисленных комиссиях и секциях. Однажды разговорились. Я почувствовал какую-то удивительную общность характеров. И вскоре я совершенно неожиданно предложил ей выйти за меня замуж. К этому времени я уже четыре года был вдовцом и было мне все это время одиноко и горько. Недолго колебавшись, она согласилась. И теперь — тыфу-тыфу, чтобы не сглазить —

мы живем в полном мире и творческом согласии. Написали вдвоем даже одно сочинение.

— А что Вы сейчас пишете?

— Мало что. Петь некому. Эстрадные звезды исполняют, по-настоящему, свои собственные творения. А старая песня тихо скончалась. Я пишу опусы в стиле экспериментальной сатиры. Например, опус под названием "Приемный день у начальника". Там всего один певец — сам начальник. А все посетители — различные инструменты. Скажем, приходит туба и просит квартиру, а чтобы разжалобить начальника — берет с собою внучку — флейту-пикколо. Гобой (с восточными интонациями) пытается дать начальнику взятку. И так далее...

— А песни?

— С ними покончено.

— Никита Владимирович — в заключение, пожалуйста, вспомните какую-либо историю. Эпизод, случай...

— Возвращаюсь из Австралии. Самолет набит аборигенами — едут на какое-то этнографическое мероприятие. Единственный белый человек — престарелый господин с висячим носом и прической ежиком. Скучно лететь; я присел рядом. Обратился к нему на ломаном английском, господин что-то невнятно буркнул в ответ. Ну, не хочется беседовать — не надо. Я и заснул. Просыпаюсь — прилетели. Вижу камеры, корреспондентов. "Кого встречают?" — "Да вашего премьера". — "Косыгина???" (тогда во главе правительства был Косыгин). "Да нет — Керенского" (а он и вправду был немного похож на Косыгина — колючий взгляд, прическа бобрик). Эх, почему я не заговорил с ним по-русски! Сколько интересного он бы рассказал...

Беседовал Аркадий Петров

Рос. муз. газета — 2004 — май (№5) — 105